

Николай Дегтярёв

ОСТАТЬСЯ СОБОЙ

ТРИЛОГИЯ

Благовещенск

2024

*Моей дорогой и любимой супруге Зинаиде,
«бороздившей» со мной просторы
Тихоокеанского бассейна,
к 50-летию совместной
супружеской жизни*

КНИГА ТРЕТЬЯ

Море красиво лишь с берега

ПРОЛОГ

Ощущение свободы и чувство радости не покидало Степана третью неделю, ровно с того дня, вернее вечера, когда он последний раз перешагнул КПП своей родной части, оставив охрану границы своим боевым товарищам и друзьям. Жить на мамину зарплату уборщицы в сельском Доме культуры он не мог себе позволить, но пару недель решил погулять, встретиться с друзьями детства...

Третья неделя «на свободе» ушла на хождение по предприятиям Белогорска в поисках подходящей работы. Сегодня он сделал окончательный выбор, перешагнув проходную Белогорского завода «Амурсельмаш». С двумя подобными ему дембелями из Бочкарёвки зашёл в литейный цех, где их мгновенно охватили гул, рёв, грохот, скрежет, дым, пыль и блеск расплавленного металла. Его товарищи даже не сочли нужным переговорить о зарплате и условиях работы, оставили Степана в «литейке». Светлые брюки и цветная рубашка вызывала скептические улыбки у литейщиков: это был самый грязный цех на заводе. Здесь были и приличные цеха – светлые, с цветами на подоконниках. Работники в них были одеты в синюю спецовку, которую нельзя даже сравнить с толстой суконной робой литейщика с валенками на ногах в любое время года.

– Этот долго не задержится, – послышалось сзади.

Эта фраза поставила окончательную точку в его решении остаться и работать именно в этом, самом грязном цехе.

Общежитие – одноэтажное деревянное здание – находилось в одном здании с проходной завода. Койка под окном, выходящим на территорию, очень даже устраивала Степана: если бы не отмечать пропуск, можно было бы на работу лазить через окошко.

С первой полочки в уценённом магазине¹ он купил

¹ Уценённый магазин – Комиссионный магазин.

катушечный магнитофон «Яуза», нашедший своё постоянное место на подоконнике.

В нерабочее время по территории завода неслась не очень серьёзная музыка, песни Высоцкого, Окуджавы, Клячкина и других бардов.

Его устраивало это жильё и такая бесшабашная жизнь: отпахал восемь часов и «хочешь спать ложись, хочешь песню пой». Дни после получки были особенно весёлыми: «Пей, гуляй, хлопцы, – «однова живём!».

Казалось, было всё для счастливой и бесшабашной жизни: Дом культуры, танцплощадка, но почему-то иногда становилось грустно и как будто чего-то не хватало, особенно когда заканчивались деньги.

Хорошо ещё, в заводском профилактории кормили бесплатно – свои путёвки отдавали товарищи по бригаде.

Тёплый летний день подходил к своему логическому завершению.

Лёгкий ветерок лениво играл листьями огромных топей, окруживших общежитие. По улице изредка проезжали машины, автобусы, распугивая воробьёв, уютно устроившихся в придорожной пыли. Общаговские ребята сидели в небольшой деревянной веранде, страдая от безделья: денег на «весёлую жизнь» не осталось – дотянуть бы до получки. Местный парень, худой и высокий Женька, под аккомпанемент семиструнной гитары напевал:

Я здоров, к чему скрывать,
Я пятаки могу ломать,
А недавно головой быка убил,
Но с тобой жизнь коротать –
Не подковы разгибать,
А убить тебя морально нету сил...

Вдруг скучающие лица посветлели – к общежитию подрулил Газ-63, набитый молодыми девушками и

ребятами. Водитель, пожилой мужик, на ходу разминая тело, как-то нехотя открыл задний борт:

– Станция Березай, кому надо, вылезай!

Из кузова шустро, как воробьи, повыпрыгивали на землю совсем ещё юные парни и девушки. В общежитии всё было готово к приёму выпускников Райчихинского ПТУ. Степан со своими товарищами с нескрываемым любопытством наблюдал за «новенькими». Вдруг его взгляд зафиксировал кареглазую девчонку: в светлом платьице «татьяночка», но она с ослепительной улыбкой, легкой походкой прошла мимо, даже не взглянув на его бородастую физиономию.

Катю – так звали эту приглянувшуюся Степану девочку – вместе с тремя сокурсницами поселили в комнатке напротив. Их двери отделял только метровый коридор. Уже вечером новые знакомые дружелюбно беседовали под высокими тополями на деревянном крыльце общежития. А через три месяца новая семья покинула это уютное гнездышко. Штампы в паспортах не позволяли им проживать в холостяцком общежитии.

Молодожёны сняли жильё на летней кухне у пожилой пары, проживающей в небольшом деревянном домике. Кухня нагревалась кирпичной печкой так же быстро, как и охлаждалась. К утру, вода в ведре замерзала. Степан решил, что в таких условиях нельзя держать любимого человека, и отвёз Катю к тёще в Райчихинск, а сам решил отправиться на поиск нового места жительства. За калиткой, провожая Степана, тёща Марина Романовна внимательным настроженным взглядом посмотрела на зятя:

– Стёпа, ты что, Катю бросаешь?

– Нет.

Степан пожал руку тёще, обнял Катю и уехал на рабочем поезде до станции Бурей. В кармане было пять рублей, которых хватило на билет до Хабаровска.

НА ПУТИ К МОРЮ

Широкий просторный Хабаровск был знаком Степану. Возле вокзала он сел в первый попавшийся трамвай – просто прокатиться и посмотреть город. Вспомнилось, что здесь он впервые увидел телевизор и побывал в драматическом театре. А посчастливилось посетить такой далёкий и крупный город не просто так. Шестая группа Мазановской школы-интерната заняла первое место в соревнованиях среди воспитанников, куда включались многие показатели: дисциплина, спорт, санитарное состояние, участие в общественной жизни и, конечно, учёба.

Погрузившись в воспоминания и поглядывая в окно, он вдруг понял, что трамвай идёт на второй Хабаровск. Стёпа грустно улыбнулся, вспомнив, как когда-то от проспекта Карла Маркса до парка имени Ю.А. Гагарина прошёл пешком – не было три копейки на билет, а проехать зайцем не решился – никогда так не ездил. Он шёл вдоль путей, трамваи с грохотом обгоняли его, как бы насмехаясь над его деревенской робостью. Трое ребят, которые были с ним, пошли в кинотеатр «Гигант» смотреть «Дерсу Узала», а он постеснялся сказать, что у него нет денег...

– Молодой человек! – властный голос кондуктора вывел его из воспоминаний. – Ты что, обратно поедешь? Последняя остановка.

– Мне до парка Гагарина.

– Так проехали! Теперь назад, но билет придётся взять.

– Само собой, – Степан протянул кондуктору три копейки.

Парк заметно подрос. Берёза, посаженная Юрием Алексеевичем, вытянулась стройной красавицей. Степан присел на скамейку, под которой ещё не растаял снег,

вернее это был уже лёд, грязный и холодный. Дул сырой ветер, разгоняющий по небу последние облака. В кармане, кроме мелочи, – ничего, в желудке тоже кончается последняя мелочь в виде пирожка с капустой, испечённого тёщей на дорогу.

«На вокзал! Может на товарняке доберусь до Комсомольска, а там и до Солнечного рукой подать. Устроюсь на работу, меня, конечно, помнят: и четырёх лет не прошло, как товарищи проводили в армию... Поживу в общеаге – этого добра на стройке хватает, а может, сразу квартиру дадут, Катя приедет и заживём...», – размечтался Степан.

Побродив по путям, чтобы при случае запрыгнуть в грузовой состав, Степан чуть не попал в объятия охраны – еле унёс ноги.

Железнодорожный вокзал жил своей беспокойной, суетливой жизнью. Люди приходили и уходили, а Степан оставался. Вечером попытка проникнуть в поезд, идущий в Комсомольск, тоже не увенчалась успехом. Тёщины пирожки, которые он запивал водой из бачка, покрытого белым чехлом, с привязанной цепью кружкой, кончились, если не считать одного, который Стёпа оставил на утро: «Съем с чаем, в буфете».

Пристроившись на деревянном диване с надписью на спинке «МПС», Степан ждал приближения ночи, когда можно спать хоть на полу, хоть на диване – кому как повезёт. От нечего делать стал расшифровывать надпись и быстро сообразил: Министерство путей сообщения, но что-то ещё знакомое ему показалось в этой аббревиатуре. Его размышление прервал незнакомый голос:

- Не помешаю?
- Мочеполовая система, – чуть не крикнул Степан.
- Чего?
- Так МПС расшифровывается.

– Открытие, – прохрипел ироничный голос. – Министерство путей сообщения. Ты что слегка вольтанутый¹? – беззлобно задал вопрос и присел рядом с ним невзрачный, лет сорока мужик, одетый в мятый коричневый костюм и когда-то светлую, в полоску рубашку.

– Следи за метлой, – беззлобно ответил Степан. – Это второй вариант расшифровки МПС.

– Лады, – протягивая руку для более близкого знакомства, ответил сосед по дивану, – Степан.

– Ты откуда меня знаешь?

– Не знаю. Я представился.

– Так меня тоже Степаном звать, – почти радостно ответил Стёпа.

– Тёзки! – чуть ли не в один голос крикнули Степаны.

– Ты что, бичуешь? – спросил старший.

– С чего ты взял? Просто переночевать остался.

– Просто на вокзалах ночуют пассажиры, а ты за пассажира не канаешь.

– А за кого я канаю?

– Я же тебе сказал – за бича. Негде ночевать – значит, бич.

– Не, ну ты, тёзка, хамеешь. Бич – бывший интеллигентный человек расшифровывается.

– Да, пока не похож, а через недельку будешь как две капли воды похожим на бича, но не на интеллигента.

– Серый, – представился подошедший рыжий парень лет двадцати пяти.

– А фамилия Волк? – задал встречный вопрос Степан, протягивая руку.

– Ну, Серёга, – уточнил рыжий. – Ты что, тупой?

– Вы, в натуре, оборзели, один вольтанутым обозвал, другой – тупым. Вы, ребята, ничего не перепутали?

¹ Вольтанутый – Чокнутый (жарг.).

- Да ты не обижайся, на обиженных воду возят.
- Ты меня ещё обиженным назови, долго будешь жалеть, – уже злобно огрызнулся Степан.
- Ты сегодня ел? – чтобы смягчить обстановку, спросил старший Степан.
- Да.
- А то у нас тут кое-что есть, давай перекусим. – Старший достал из сумки бумажный пакет с жареной корюшкой, которую Стёпа видел в ближайшем гастрономе – семьдесят копеек за килограмм, полбулки белого хлеба и палку ливерной колбасы:
- Рубай¹, не стесняйся.
- У меня пирожок с капустой. Кто будет?
- Я люблю с капустой, – и рыжий с удовольствием съел последний тёщин пирожок.
- Банкет в полном разгаре, мы не опоздали? – К столу подошли ещё двое мужиков, прилично одетых и слегка поддатых.
- Григорий, – представился старший, протягивая Степану руку.
- У нас и пузырь есть, – похвастался второй товарищ, – но здесь пить не будем, а то заметут.
- Толян, – пожал руку Степану лысоватый, тщателью выбритый мужик.
- У вас здесь целая кодла², – заметил Стёпа.
- Он давно обратил внимание, что на вокзале обосновалась целая группа приبلудных, вроде него. В одиночку труднее выживать в экстремальных условиях, поэтому люди кучкуются.
- Его тоже заметили, но пока посматривали со стороны, а вдруг это подсадная утка? Милиция знала свою

¹ Рубай – Ешь.

² Кодла – Компания.

работу хорошо и контролировала ситуацию на вокзале. Степан даже удивился такому вниманию к своей персоне, но после раздавленной в туалете бутылки водки и сытного ужина успокоился, согрелся и повеселел. Григорий и Толян куда-то незаметно смылись. Остальные бичи освоили целый угол на втором этаже вокзала: развернули пару скамеек и разлеглись кто на скамейке, а кто на полу, вместо перины подстелив газеты «Гудок». Перед сном поболтали о завтрашнем дне. Оказалось, есть неплохая работа – разгружать вагоны. Степан рассказал, что намылился в город Солнечный.

– Я неделю как оттуда, был на химии¹, там нечего ловить. Знаешь как китайцы говорят: «Трудно любить работу, если тебя ненавидит зарплата». Ты говоришь, что жил в пятом доме – теперь там семейные, а общаги только внизу, в бараках. Жену туда не советую вести, года три будешь ждать квартиру – жить в бараке. А в бараках, сам знаешь, какой контингент: химики да бывшие зэки, – прояснил ситуацию Серый.

– И раньше там химики жили да бывшие зэки, меня там как-то чуть не прирезали.

– А поехали в Находку, устроимся грузчиками в порту! Там платят хорошо, общагу дают. Поработаем на вагонах ещё пару дней и вперёд, – предложил тёзка.

– Почему в Находку? Тогда уже во Владивосток, – сонно ответил Степан.

– Деревня! Владик – город закрытый, тебе туда билет не дадут.

– Ладно! Надо подумать.

Рано утром, пока уборщица не начала выгонять с пригретых за ночь мест, вся кодла через пути

¹ На химии – Условно-досрочно освобождённые из зоны заключённые, либо условно осуждённые с обязательным привлечением к труду.